



*Ирина Юрьевна Бугрышева, прозаик, журналист, медик. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет культуры. С ноября 2022 года волонтер-реабилитолог в госпиталях Санкт-Петербурга. Автор книги «Я трогаю войну руками», которая в 2025 году признана «Книгой года» в номинации «Герои нашего времени». По ее рассказам поставлены спектакли в театрах Санкт-Петербурга, Москвы, Смоленска. Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси», финалист ряда всероссийских литературных конкурсов. Член Союза добровольцев Донбасса. Живет в Санкт-Петербурге.*

**Ирина Бугрышева**

## **В МОЕЙ СТРАНЕ ИДЕТ ВОЙНА**

*Повесть*

**З**наешь, в моей стране идет война. И Дмитрий Филиппов, чья книга стоит у меня на полке, — трехсотый.

Он не Лев Толстой и не Достоевский, хоть и на полке. Он живой, он сегодняшний, он Филиппов, и он триста.

«Я легкий», — говорит Дима.

А я знаю, что осколок в шее — это все ангел-хранитель и молитвы. Там артерии, в шее.

Осколок достали.

Дима восстанавливается.

\*\*\*

Знаешь, в моей стране идет война.

И мы едем в поезде, что следует в Брянск. А проводница ежится от холода. И делится: «Я так люблю тепло. Я сама так люблю тепло, что я сейчас печку растоплю. Генератор не работает в вагоне, не завелся. Вот поэтому такой тусклый свет. Скоро будет тепло, не переживайте. Со всем справимся. Только что вернулись из Белгорода. Там так бахало. А мои пассажиры даже ухом не повели. Спали все. В пять утра был Белгород. А я побежала к мужу в соседний вагон. Он у меня тоже проводник. Вместе дома, вместе на работе. Там, с ним, и пережили все это баханье. Страшно».

\* \* \*

Знаешь, в моей стране идет война.

И мы едем в такси по ночной Калуге, потом выезжаем на трассу, что ведет за город, потом сворачиваем на какую-то пыльную объездную дорогу, тщательно сверяясь с картой, и вдали что-то светится.

«Что это?» — спрашивает водителя Т.

«Я не хочу вам говорить, — отвечает водитель. Водителю лет сорок, у нее надвинутая на глаза кепка и черный спортивный костюм. — Вы гости города. Что вас пугать? А это объект, на который каждую ночь охотятся дроны. Ну, почти каждую ночь».

\* \* \*

Знаешь, в моей стране идет война.

И мне записали видео из госпиталя, что в желтой зоне. Туда бойцов везут прямо с эвакуации.

Усталый врач вышел к памятнику Святого Луки, чтоб сказать: «Спасибо всем, кто собирал деньги и заказывал хирургические столы. Мы все получили. Только, пожалуйста, не выкладывайте никуда это видео. Вы же понимаете, где мы. Это просто наше спасибо».

И я думаю — зачем же он записывал видео, этот врач? Выкладывать нельзя. Можно же было сделать просто фото.

А он записал видео, потому что знает: в стране идет война. И я не выложу видео. Но я передам вам все. Столы получили. Вместе победим.

\* \* \*

Знаешь, в моей стране идет война.

И парни в госпитале сегодня хмурятся и злятся: как-то сложно складывается с выездом на спектакль «Радио-Паша» в воскресенье.

А я говорю: «Помолимся, Господь управит».

И я верю в это истово. Потому что иначе быть не может.

Я даже не могу расстраиваться. У меня нет сил на это. Надо идти вперед.

А еще сегодня, пока я онлайн была на родительском собрании у Ярославы, по радио «Град Петров» шла передача, где мы с режиссером театра «Ковчег» говорили про спектакль «Радио-Паша».

И это радио слушали ребята в госпитале. А потом звонили: «Что же будет на спектакле, если мы от передачи не могли сдержать слез?»

\* \* \*

Знаешь, в моей стране идет война.

И потому на спектакль 16 февраля записались 20 волонтеров — из Кронштадта и Ломоносова. Приедут те самые русские женщины, что плетут сети, шьют трусы в госпиталь, косточки и бублики под культы, шапочки на культы, делают сухой душ.

И горжусь этими труженицами. Этими русскими женщинами.

Мы познакомились, потому что в моей стране идет война.

\* \* \*

Знаешь...

Мой одноклассник Серега погиб летом там, за лентой.

А сегодня позвонила Гошина преподавательница из театральной студии. И просила совета. У Гошиного одноклассника погиб отец.

И я говорила вслух о том, о чем боятся говорить вслух.

Я говорила так, как сказала бы Гошиному другу: «Твой отец герой. Мы знаем о том, что случилось. Мы поддерживаем тебя. Мы знаем, как тебе страшно. Мы рядом».

\* \* \*

Знаешь, там воюет сын моей одноклассницы. Сын моей одноклассницы, понимаешь.

Ну, это если б Гоша был на шесть лет старше. Понимаешь?

Погибали отцы.

И теперь воюют дети.

Помоги, Господи, воину Александру.

\* \* \*

У меня в стране идет война.

У нас в стране идет война.

И не получится остаться в стороне и не замечать.

Однажды война закончится.

Будет Победа.

И мы посмотрим друг на друга. Обнимемся. И поймем, что мы пережили тогда. Когда в нашей стране была война.

## **МИША. СВОИХ НЕ БРОСАЕМ**

В палате пятеро.

Точнее, шестеро.

Шестая — Аня. Ухаживает за братом день и ночь. Поставила походное кресло рядом с его кроватью. Ночью кресло превращается в раскладушку.

Ане лет пятьдесят. У нее бархатный бирюзовый костюм. Золотой крестик на толстой цепочке. Аккуратная стрижка. Теплый взгляд. Французский маникюр.

Аня здесь, в палате, для любви. И спокойствия. И горячего кофе. Но в основном Аня для любви.

Аня выдыхает любовь. И выдыхает любовь. Она соткана из любви. Я не знаю, как у Ани так получается.

Аня окутывает любовью брата, Мишу. А волна этой любви доходит до каждого сердца. До каждого, кто оказывается в палате.

\* \* \*

В госпитале — как в жизни.  
Только лучше, чем в жизни.  
В смысле — отчетливее все видно.

На войне все еще ярче. Белое — это белое. Черное — это черное.  
А госпиталь — такой полустанок между войной и жизнью. Где вкус войны на губах не дает забытья. Обмануться. Слукавить.  
Здесь все по чесноку.

\* \* \*

Я пришла к Муслиму. На его имя выписан пропуск.

Муслим дагестанец. Аварец. Но в душе русский, конечно. Мы познакомились полгода назад. Ранение у Муслима тяжелое, реабилитация долгая.

Я знаю историю Муслима вдоль и поперек. С того самого дня, как ему ампутировали (Муслим говорит «отхреначили») пальцы на ноге. Я знаю, сколько лет сыновьям Муслима. Знаю, что пока он был на СВО, его бизнес накрылся. Знаю, что он любит абрикосовую кашу, но жена ее не варит. Не успевает варить — дом, ребенок, работа. Какая абрикосовая каша?

Я знаю у Муслима все швы и хитросплетения. Удаленную часть печени, переставленное ребро, вырванный кусок мышцы. Закрою глаза — не перепутаю ни с кем.

Муслим выжил — и это главное.

«Рассказывай мне про Дагестан», — говорит Муслим.

Я была в Дагестане весной, и у меня перед глазами все — и Сулакский каньон, и Гуниб, и туман, что окутывает собой Кубачи и прячет от чужих глаз. Я могу про Дагестан с любой ноты.

Муслим не был дома тыщу лет.

И я снова начинаю говорить про Дагестан.

«Я тебе рассказывала про малиновое варенье?» — говорю я.

«Нет еще», — предвкушает рассказ Муслим.

«Ну тогда слушай...»

\* \* \*

Напротив Муслима лежит Сансар — старик-армянин. На шее — большой крест. Цепочка медная, окислившаяся. Плетение крупное. Чуть выше креста — воинский жетон. Военнослужащий России.

Я смотрю на Сансара, и мне хочется поклониться ему. Старику-армянину. Ему бы этим вечером сидеть на скамейке около своего дома в Дилижане. Пить чай. Есть пахлаву. Угощать ребятишек. Курить терпкий табак. Дышать в унисон с родной Арменией. Жаловаться на то, что ноют ноги. Что перепад погоды сильный — днем было жарко, вечером холодно. Собирать инжир. Ставить в подвал вино. Жить свою прекрасную старость — в окружении любимых.

Сансар после ранения плохо слышит. Рука в гипсе после операции. На ноге аппарат Илизарова.

Сансар не худой даже — тощий. Кожа да кости. Мышц не видно. Я

смотрю на ногу в аппарате и не понимаю, как кости будут срастаться. Откуда брать клетки?

«Барев дзес, Сансар», — говорю я.

«Сано», — поправляет меня Сансар.

«Сано» — это для друзей. Это как «Саша» для имени «Александр».

«Барев дзес, Сано», — соглашаюсь я.

«Барев, — кивает Сансар. И добавляет: — Громче говорите. Ничего не слышу».

«Инчпесе ко танкагин арохчуцуне?» — громко, на всю палату говорю я.

Аня удивленно спрашивает Муслима: «Ира что, по-армянски может?»

«Ира как угодно может», — усмехается Муслим, прежде чем Сансар выдохнет: «Лаве. Лаве».

Я спросила, как здоровье.

Сансар ответил — все хорошо.

«Ду окнелес?» — спрашиваю. В смысле, «голодный?»

«Нет, — улыбается Сансар. — Наелся так, что теперь на три дня хватит».

Я держу руки у Сансара на груди и животе. Расслабляю ребра и печень. Сансар старательно дышит. Старательно расслабляется. Сил у него немного. Но он старается изо всех сил. То ли чтоб не подвести меня. То ли чтоб помочь себе. Не разберешься.

Мы дышим вдвоем. В глазах Сансара — тихая, смиренная печаль. За печалью — боль. Боль за то, что видел там. За тех, кого оставил там. Тут, конечно, тоже больно. Рука. Нога. Но это такое...

В глазах Сансара — вечность.

Я держу руки на груди и животе — и дышу этой болью. Заныриваю в глубину, в вечность.

Вдох. Выдох.

Сансар оглядывается.

«Вам судно дать, Сано?»

«Да, дай, дочка. Дай».

Я даю судно.

Отхожу...

Если б не это все, я бы хотела сфотографировать Сансара. А потом, как-нибудь потом, когда все закончилось бы уже, когда был бы мир, когда...

...я бы устроила фотовыставку «Лица войны».

И мы бы смотрели на Сансара, разглядывая его темную щетину, на контрасте с сединой волос, окаемки вокруг радужной оболочки... Никогда такого не видела, поджатые губы, способность выносить страдания публично... Никуда не денешься, мы бы смотрели все на Сансара, как на полотно Рембрандта и Шилова.

Я бы хотела сфотографировать Сансара. Но я не могу. Сегодня не могу.

Сансар лежит голый под пледом.

И бесконечно одинокий.

Только что уехали дочка с зятем.

Приезжали из Армении. Навестили. Накормили. Помыли. Долго и громко говорили по-армянски. (Заходили санитарка, прислушивалась, спрашивала Аню: «Грузины, что ли? На грузинскую речь похоже».)

Дочка принесла целый противень сосисок в тесте. Три сосиски достались Мише. Сначала две. Миша их так смолотил, что дочка Сансара тут же выдала третью.

Дочка Сансара долго говорила с Аней.

Аня обещала покупать Сансару все, что он попросит. И высылать чеки дочке Сансара.

Они долго стояли рядом, шептались.

Женщины войны.

Сорокапятилетняя громкая армянка и тихая улыбчивая блондинка Аня.

\* \* \*

Замерзли мы тогда на море. На пляже пахло штормом. Море шумело и бушевало. Мы выпили чай, но не согрелись. Шуршали ракушки под ногами. Руки превращались в ледышки молниеносно. Глаза искали льдины и пингинов на этих льдинах. Антарктида, а не самый южный город России — вот что этот ваш Дербент в начале марта.

Я вызвала такси. Мы с подругами ждали такси и вздыхали: обойдется на этот раз или нет? В сторону пляжа ехали на такси по встречке. Я тогда глаза закрыла и мысленно оставила все позади. Но обошлось.

Увидев за рулем «Гранты» уютного дагестанского джигита, у которого живот упирался в руль, мы выдохнули. Этого таксиста, Рустама, легко бы взяли в программу «Голос. 60+». Ну, если б он пел.

Мы смотрели на Рустама и понимали: этот не должен гнать по встречке.

Ожидания оправдались. Если когда-то Рустам и лихачил (все же кровь не водица), то теперь дед Рустам ехал медленно и размеренно. Мы успевали посмотреть по сторонам. Что-то даже разглядели и заприметили. Перекинулись парой фраз. И тут мою подружку Яну осенило: «Послушайте, — сказала она Рустаму. — А может, вы подскажите нам, где тут купить малиновое варенье? Что-то мы замерзли, как бы не разболеться!»

«Ох, — сказал дед Рустам с участием, — я б с вами своей малиной с радостью поделился. У меня в морозилке наморожена с лета. Я чуть простужаюсь, сразу себе завариваю в чае».

Я подумала, что я бы тоже сейчас с радостью выпила чаю с малиной.

«Но я далеко живу за городом, — продолжил дед Рустам. — А тут купить варенье сейчас негде — я вас уже, смотрите, привез».

Мы посмотрели по сторонам. Точно. Мы уже на месте. Стоим около отеля.

«Но вот что, девчонки, — сказал дед Рустам. — Я могу вам завтра привезти свою малину. Идет? Оставьте телефон, и я привезу».

«Да вы что! — всплеснула руками Яна. — Нам так неудобно! Как мы можем вот так пользоваться вашей добротой? Наверное, не надо!»

Я почти разозлилась: «Яна, — говорю, — ну ты что! Что значит “неудобно”? Мы же не просим, не принуждаем. Рустам сам предложил нам привезти малину. Значит, это ему надо так же, как и нам! А то, — говорю, — представляешь — вдруг Рустам завтра умрет, и Господь его спросит: “А ты что хорошего в жизни сделал?” А Рустам растеряется. Начнет вспоминать. А тут и вспоминать не нужно. “О! — скажет, — девчонкам малину привез! И они не заболели!” И Господь рrrrrаз! — и отправит Рустама прямиком в рай. А если Рустам тебя начнет слушать, то он такого отличного шанса лишится в рай попасть, представляешь?»

Яна молчала. Только кивала. Действительно. Такого отличного шанса лишить Рустама — это преступление.

А я тут же обратилась к Рустаму: «Записывайте Янин телефон, она сейчас продиктует. И привозите нам малину, пожалуйста».

Рустам решил не рисковать. Мало ли.

Через час мы пили чай с малиной. Нам с ресепшн позвонили и сказали, что нас ждет варенье.

На всякий случай я еще в чай коньяк налила. Ну, чтоб наверняка...

Муслим хохочет. Будто дома побывал.

Я улыбаюсь. Не зря в моей жизни был Дагестан. Столько света сейчас он проливает тем, кому это нужно. Там, где нужно.

\* \* \*

«Аня, — спрашиваю я шепотом, закончив с Муслимом, — с Мишей поработать?»

«Ой, — откликается Аня, — вы подойдите, поговорите с ним. У Миши характер ого-го. Как он решит».

Я становлюсь рядом с Мишей.

Кладу руки Мише на руку.

«Миша, я Ира. Я реабилитолог. Если вы разрешите, я с вами поработаю аккуратно. Немного раздышу ребра. Дыхание у вас после ранения тяжелое, ребра в спазме, не додыхиваете. Вы еще на фронте курили, видимо. А тут тяжело без сигарет. Рваное дыхание. И еще я с печенью мягко поработаю. Не больно».

«Работайте, — кивает Миша. — Я согласен. Я двадцать пять лет курил. У меня, конечно, ломка тут».

«Миша, — говорю, — если будет больно, — сигнальте. Крякайте».

«Ой, — улыбается Аня, присев на подоконник, — Миша не такой. Будет терпеть. Ничего не скажет».

Я начинаю работать с Мишей, Аня выходит. У нее десять минут на себя. Даже пятнадцать. Когда можно не мазать Мише ногу. Не включать ингалятор. Не кормить с ложки. Не поить из трубочки. Не делать ничего. Только быть собой.

Пятнадцать минут. Вечность.

\* \* \*

Я работаю с Мишей.

Миша дышит.

Говорит: «Мне не больно. Мне совсем не больно. Вы не бойтесь. Мне только очень громко все. Невыносимо громко. Потому я заткнул уши ватой. Когда это все произошло — мина и три гранаты — вспышка! — я сразу перестал все видеть. А слух обострился сразу неимоверно. Невозможно вот так все слышать. Ногу пришлось отпилить прямо там, на месте. Пилы не было, конечно, рядом. Ножам пилили. В голеностопе нет больших артерий, потому крови я немного потерял. Руку прооперировали. На второй ноге все хорошо, не переживайте. На корки не смотрите, они от-

валяются. Еще большой палец сломан, я думаю. Больно шевелить. Ну, или ушиб сильный. Вы делайте, что надо. Пальца только не касайтесь. Меня там прошибает током...

Ира, Ира...

Ира, спасибо вам, что вы приходите. Я вам честно скажу, мы бы тут не выжили без волонтеров. Тут без волонтеров никуда. Я залежался. Лежу месяц, вы ж понимаете результат. Антибиотики колют, я не шевелюсь, пищеварение никакое. А вы пришли — мне сразу дышать стало легче. Сразу ощутил себя живым. В животе будто свободнее стало. Вы работайте. Я ж все понимаю. Я анатомию знаю. Понимаю, что к чему».

В палату заглядывает Аня.

Смотрит на меня. На Мишу. И выходит снова в коридор. У Ани есть еще десять минут бонусом.

«Ира, Ира, — говорит Миша. — Не сплю ночами я, Ира. Каждую ночь иду за нашими. Я ж командир эвакуации. Скольких эвакуировал. Всех, кого смог. А теперь вот сам. Наши, когда меня везли на эвакуацию, только и говорили: “Ох, командир...” А что тут сделаешь? Подлая мина. И гранаты. Я Ане говорю каждое утро: “Аня, звони Ангелу”.

И — когда связь вдруг есть, кричу в трубку, кричу каждый раз: “Ангел, как отработала? Как отработали?” И каждый раз — я как будто там, среди них. А сам лежу здесь. И все невыносимо громко вокруг. И не уснуть...»

Я работаю с Мишей.

В палату заходит Аня, начинает готовить ингалятор и все для ингаляции.

Мише лет сорок с хвостиком.

У него сложная улыбка.

Без глаз не понять, что за улыбка. Рот смещается немного влево — вот и улыбка. То ли по жизни так, то ли после контузии. Щербинка между передними зубами.

«Миш, кто тебя ждет дома?»

«Да вот сестры и ждут», — говорит Миша, и будто приподнимает голову, чтоб убедиться, что Аня рядом. — Лет десять как разведен. Один жил. Сейчас вот переживаю, как смогу один все делать».

«Ты все сможешь, Миша. Все сможешь», — говорю я. И несколько в этом не сомневаюсь.

«Аня, Аня», — говорит глухо Миша, чтоб убедиться, правильно ли он определил Аню по шагам.

«Да, Мишань, да родной», — Аня целует Мишу в лоб, в волосы, в щеки.

«Аня, ты поела?»

«Поела, Миш, не волнуйся».

«Аня, что ты ела? Я же съел всю порцию ужина».

«Мишань, ну что ты. Я не пропаду, Мишань. У меня все есть. И колбаска. И хлеб с намазухой. Все есть, Мишань. Ты давай, восстанавливайся сам. Дыши, как Ира говорит».

«Я дышу, Ань. Дышу. Ты ж видишь».

Я заканчиваю с Мишей. У него начинается вечерний моцион.

Ингаляции. Капли. Мази.

Я иду к Димке.

Димка из Луганска. У него дальняя кровать у окна. Пока я работаю с Муслимом, Сансаром и Мишей, мне не хватает зрения, чтоб разглядеть Димку хорошо. Молодой, худой, стрижка почти под ноль. Но теперь я подхожу и...

...Димка выглядит так, что хочется сидеть и смотреть на него. А потом пытаться нарисовать. И вспоминать, где вы встречались. Шутить и ждать, что он улыбнется, а ты узнаешь эту улыбку.

У Димки такие глаза.

Такие ресницы.

Димка будто с древних полотен. Будто с вечных икон. Оказавшийся в сегодняшнем дне.

Димке сегодня делали операцию с утра. К двум часам дня закончили. Собирали пятку, переставляли аппарат Илизарова. Сейчас к пятке подсоединена вакуумная помпа. Помпа гудит. Лимфа отходит. Димка лежит и морщится. Больно.

«Я себе тыщу раз обещал — отдохнуть. Лечь между боями на стол к массажисту и расслабиться. А никак. Пока война идет, не до массажей, понимаете. А тут вы».

«Дим, когда началось все у вас в 2014-м, сколько тебе было?»

«Мне двадцать было в 2013-м. И я с 2013-го в этом огне. Устал уже».

Я считаю — получается, тридцать один год сейчас Димке. А выглядит как мальчишка. Года на двадцать два, наверное.

Димка будто читает мои мысли: «Я за эти два года очень постарел. Мне никогда сигареты не продавали без паспорта. А в этом году начали продавать».

«Первое ранение, Дим?»

«Третье. Тут осколок под ключицу залетел. Видите швы? Все еще сидит, рядом с сердцем. Боятся его шевелить. Второе ранение было аховое. Ехали на мотоцикле. И мне прилетело под сиденье. Яички уцелели — слава Богу. Я так рад был. Вокруг все в осколках, ноги в паху посечены, а яички — на месте. А теперь нога вот. Пятку мне шивают. Соединяют все. Я фартовый парень. Отовсюду всегда выбирался. И вот не повезло».

«Дыши, Дим. Дыши. Здесь спазм. И здесь».

«Я все чувствую. Я готов».

«Смотри. Если продышишь сейчас это напряжение в колене — я подержу руки здесь, то завтра будет легче всей ноге. А сегодня постреляет до ночного обезбола».

«Я готов. Я готов, Ира. Если б вы знали, как у меня выкручивает это колено больной ноги».

Я сижу рядом с Димкой.

Дышу с ним в такт.

Смотрю на ладанку на шее.

«Нравится, да? Зачетная ладанка? Это мне теща подарила. С молитвой "Отче наш". А икону Богородицы мне жена подарила. Я до жены такой был отвязный. Я как-то девушку бросил — некрасиво поступил, самому сейчас стыдно. А через неделю она вернулась ко мне. И я сразу понял, зачем она вернулась: она хотела мне ответить тем же. Ну и кинула она меня — так, чтоб я пострадал. Я помню, помучился я тогда. А потом два года так себе жил. Вспоминать не хочется. Но завязал. Все хорошо. Жена теперь, ребенок. У ребенка завтра операция, правда. Лимфоузлы воспалились — вот, до операции дошло».

«Дыши, Дим. Дыши».

«Вам Муслим уже все рассказал про нашего полковника, да?»  
Я качаю головой: «Нет. Ничего не рассказал. Я сама все вижу».

\* \* \*

Рядом с Димкой лежит полковник. Нога ампутирована в районе голени — сахарный диабет. Полковника положили в палату с ранеными, чтоб пришел в себя. Чтоб захотел жить. Чтоб перестал мучить близких.

Но полковник строит всех так, будто нет войны.

Будто он полковник в своем военкомате.

«Как вы ко мне обращаетесь? — рычит полковник на медсестру. — Обращайтесь ко мне: “Разрешите обратиться, товарищ полковник!”»

«Что ты мне даешь есть? — кричит полковник на дочку. — Я хочу бананы и что-то сладкое, а не эту муру».

«Мура» — это все, что можно после операции при диабете.

«Что вы тут отсвечиваете? Исполняйте!» — сквозь зубы цедит полковник санитарке.

«Полковник, — глухо говорит Миша, — я сейчас не выдержу и метну в вас судно. Пока не метнул, потому что боюсь промахнуться».

Полковник замолкает. Сквозь зубы прорывается мат. И только.

«Интересный персонаж, конечно, полковник, — шепотом говорит мне Димка. — Сразу думаешь о чем-то большем. О том, что мы тут все за одно пострадали. А он вчера Муслиму говорит: “Что ты мне тут выступаешь? Сержант!” А Муслим только рассмеялся. Говорит: “Я хоть и сержант, но я настоящий боевой сержант. Там, где мы воевали за Россию, у меня полковник был в подчинении. Там, на войне, нет званий. Там есть идея — за Россию. Так что вы сейчас остановитесь. А перед дочкой надо извиниться. Некрасиво вы с ней поступаете. И перед медсестрой...”»

К полковнику пришла жена. И сын. Пытаются пересадить его на коляску — прокатить по коридору. Полковник кряхтит. Снова ругается на всех. На жену, на сына, на коляску, на руководство. На бананы и шоколад, которые почему-то можно остальным придуркам («придуркам» полковник говорит с ударением на первый слог), а ему нельзя.

Коляска трогается в путь. И видно — культя кровоточит. Сквозь бинты кровь капает на пол.

\* \* \*

Я работаю с Димкой, а вокруг суета.

Молодой врач, Константин Сергеевич — больше двадцати четырех лет не дашь, — вместе с таким же молодым ординатором везет кровать с полковником в перевязочную. Медсестра спешит за ними. Санитарка моет пол. Флиртует с Мишей.

«Миша, Миша. У меня смена закончилась. Темно уже. Хорошо, у меня сыну двадцать лет, встретит у метро. А то как бы я?»

«Я б провел вас, Леночка. Я б провел. Подождете меня?»

Я работаю с Димкой. За окном октябрьские сумерки. Время близится к девяти вечера.

В палате становится жарко. Не продохнуть.

Аня трогает батарею: «Дали тепло!»

Димка плавится под моими руками: «Ир, по ноге сейчас будто газировка идет. Такое: пшшшшш. Оживает нога, короче. И я не думал, что этот спазм, который ты развязала в паху, так сильно натягивал голеностоп. Лежу сейчас, как на ватной перине. Ир, когда придешь?»

«Я боюсь вашего полковника, — шучу я. — Он же и меня построит. «Разрешите обратиться, товарищ полковник, — пародирую я, — хочу потрогать вам живот. Ой, я нащупала тут, в животе, пару бананов, которые вы похитили со столика Сансара»».

«Не бойся! — смеется Димка. — Полковник безвредный. Тыловая крыса. Пороха не нюхал, а гонору столько, что он бы весь мир выстроил вдоль коридора, чтоб все скандировали: «Разрешите обратиться!» Его сейчас жизнь, видишь, мордой об пол. Вот он сейчас хлебнет, и его родным полегче станет. Он домой после нас вернется другим. Не будет их так изводить».

«Я заканчиваю», — говорю я Димке, не убирая пока рук с живота. И будто добавляю немного вопросительной интонации: «Я заканчиваю? Или еще пару минут?»

Димка согласно кивает: «Как в космосе побывал, Ир. Правда. Я не думал, что с болями после операции можно так расслабиться. Ночью усну теперь».

Я поправляю на Димке плед. Димка без трусов. Так же, как Миша. И как Сансар.

Димка говорит: «Отличный плед, правда? Это нам матушка из монастыря раздала. Они легкие, не давят на швы, и теплые при этом».

Я киваю.

«Ир, нам без волонтеров, без добровольцев, никак не победить. Это я тебе говорю как парень из Луганска. Спасибо тебе, Ир».

Я киваю. Я слышу Димкино южнорусское «гэканье»: «ховорю», «из Луханска». И думаю про нас всех. Про юг нашей Руси. Луганск, Донецк, Мариуполь, Таганрог...

В моем детстве, когда бабушка жила в Таганроге, эти города были рядом. И на карте, и в сердце. И к поезду «Ростов-Донецк» никто в Таганроге не выходил продавать абрикосы и таранку. Что толку? Это ж свои. Им ехать тут четыре часа.

И сейчас так. Все рядом. И на карте, и в сердце.

Я выхожу переодеваться в душевую.

Делаю глубокий вдох — в коридоре нет батарей, и можно дышать.

И где-то далеко, в конце коридора, слышу полковничье эхо. И желаю стойкости медсестре. И восхищаюсь Константином Сергеевичем, вчерашним пацаном, на которого сегодня воины смотрят, как на бога.

«Ир! — кричит Муслим из палаты. — Переоденешься, возвращайся. Я проведу тебя вниз».

\* \* \*

Я смотрю в глаза старику Сансару. Киваю ему.

«Стесуцюн, Сано», — киваю я.

«Стесуцюн», — откликается Сансар. Который скорее прочитал мое «стесуцюн» по движению губ, чем услышал.

Я обнимаю Димку: «Выздоровлявай!»

«Возвращайся», — смотрит на меня Димка с надеждой.

Я подхожу к Мише и трогаю его за руку: «Миша, я ушла. Восстанавливайся».

Я бесстрашно смотрю Мише туда, где были глаза.

Цена войны.

Миша говорит: «Ир, мне уже легче. Я лежу и понимаю, что мне легче. Спасибо тебе!»

Я киваю Ане.

Аня кивает мне.

Если на следующей неделе Мишу не выпишут в подмосковный госпиталь, ближе к дому, то к Мише придет вторая сестра.

Греть всю палату своей любовью.

\* \* \*

Спустя пять минут мы с Муслимом идем к лифту.

Я знаю: все, кто остался в палате, мечтают о том же.

Муслим это понимает. Он ковыляет, опираясь на палку, по-дурацки отставляя ногу в сторону — будто это протез, а не нога. Ковыляет с улыбкой победителя.

«Не сгибается?»

«Не в том дело. Кость повернута в сторону после ранения. Надо оперировать. Посмотрим, что скажут врачи».

«А коляска твоя где?» — спрашиваю.

У Муслима была дорогушая электрическая коляска с пультом управления. Он гонял на ней по коридорам полгода назад, когда не мог ходить.

«Оставил парням в госпитале в Москве. Я сразу сказал матушке Елене, которая нам их подарила — мне и Коле в прошлом госпитале, — что буду ездить, сколько надо. А как встану на ноги — передам следующим бойцам».

Мы спускаемся к проходной.

Муслим смотрит на меня и смеется: «С тобой обо всем забудешь. Вышел, блин, проводить девушку. Сигареты забыл».

Муслим вглядывается в сумерки, где курит охранник: «Брат, есть покурить?»

Охранник делает шаг в нашу сторону, протягивая пачку.

Мне даже жалко, что я не курю.

«У тебя на сколько контракт?» — спрашивает Муслим охранника.

«На десять лет. Но мне квартиру дали», — охотно откликается охранник.

Муслим обнимает меня.

От него пахнет табаком и больницей.

Я отталкиваюсь ногой, что есть сил. И лечу на самокате в сторону КПП.

Я не оглядываюсь. Но я знаю, что там, за моей спиной, чиркает зажигалка. Огонек сигареты светится в сумерках. Даже двух сигарет.

Я знаю, что мне пристально в спину смотрят два мужика.

И один спрашивает другого: «Жена?»

А второй качает головой: «Нет».

«Подруга?»

Второй затягивается сильнее. «Нет, брат. Это другое. Дороже».

## ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я обещала приехать в госпиталь к 19:00.

Получилось только к 19:30.

Я понимала, что закончу после десяти вечера, потому по пути в госпиталь проглотила пирожок, запила чаем.

Пришла — Муслима стрижет парикмахер. Извиняется, что не так постригла накануне, вихор оставила сбоку.

Миша меня уже ждет.

Я кладу руки Мише на ребра — будем дышать, дышать глубоко.

Миша кладет свою огромную ручищу сверху: ждал.

«Ир, ты ссорись с мужем?» — спрашивает вдруг Миша.

«Угу», — киваю я.

Останавливаю себя: что кивать, если Миша все равно этого не видит?

«Из-за чего ссоритесь?»

«Да так, — говорю. — Разное. Дети. Вещи разбросанные. Слова, которые не надо было говорить».

«Серьезно? — спрашивает Миша. — Ты сейчас серьезно?»

Я молчу. Конечно, я серьезно. Куда серьезней. Шутки в сторону. Я люблю тишину, а он громко топает утром. Мой язык любви — внимание, а он не слышит, что я три недели прошу подклеить мне ортопедическую стельку в обувь. Он разозлился, что я собрала в поход не те продукты. Положила кетчуп и соусницу, а ему тащить. И вообще.

«Ты серьезно?» — переспрашивает Миша: вдруг я сразу не расслышала.

Мы в палате, где о походах, ортопедических стельках и утренней тишине могут мечтать только сумасшедшие. Здесь круглые сутки свет, шаги, голоса. И инвалидные коляски в качестве средства передвижения.

Сначала это все очень так себе. Потом привыкаешь.

«Знаешь, — говорит Миша, — когда вот так здесь лежишь круглыми сутками — ни встать, ни уйти, ни посмотреть на что, — когда варишься сам в себе — вообще не понимаешь, как можно ссориться из-за ерунды. Я твоего мужа не понимаю. Я бы...»

Миша замолкает.

Я тоже молчу.

Я знаю, о чем Миша говорит. Когда я здесь, в палате, я тоже не знаю, как можно ссориться из-за неразгруженной посудомойки и непроверенных уроков.

«Ир, — говорит Миша, пока я держу руки на печени, — ты такая красивая...»

Я смеюсь: «Ой, — говорю, — это ты еще меня не видел! Но я тебе расскажу сейчас все про себя».

Я вспоминаю эту смешную историю, как перед 9-м Мая меня снимали на ТВ. «Передача была про русских женщин, Миш, и про то, как они приближают Победу. И уже почти все снято, как в студию заходит режиссер программы, посмотрел в три камеры и как заорет: “Стоп!” И оператору: “Что ты снимаешь? Мне нужна русская женщина в кадре! У тебя здесь Осетия, здесь Дагестан, здесь Чечня!”

“Я все ракурсы перепробовал, нет такого ракурса, где русская женщина”, — стал оправдываться оператор. Так и досняли».

«У тебя нос?» — спрашивает Миша.

«И нос тоже», — говорю я.

«Дай посмотреть», — говорит Миша, протягивая ко мне руку.

«Увидишь еще, — говорю я, опуская Мишину руку на одеяло. —

Пока дышим».

Улыбаюсь. Миша, кажется, готов начать видеть мир руками.

Я работаю с Мишей.

Потом с Муслимом. Муслим грустит: операцию не назначают. После УЗИ плеча болит плечо и плохо работает: для УЗИ его поворачивали в неудобное положение.

Я расслабляю плечо Муслиму, замечая на холодильнике розы.

Шепчу: «Муслим, что за цветы?»

Муслим так же шепотом отвечает: «У Анюты день рождения!»

«У меня готов подарок», — говорю я.

«Я даже знаю, какой, — шепчет Муслим. — Я сам тебя хотел об этом попросить».

После Муслима я добираюсь до Димки из Луганска.

Краем глаза замечая на столе коробки из доставки — что-то вкусное. Хорошо, что я успела выпить чай.

Я только успела расслабить Димке живот и еще не добралась даже до здоровой ноги, в палату заглядывает медсестра: «Дмитрий, собираемся, перевод в первый мед. Через пять минут едем, скорая ждет».

Пять минут нам не понадобилось. Хватило четырех. Вытряхнули тумбочку в пакет — сигареты, нимесил, зарядка, майонез, соль.

Отсоединили от ноги вакуумную помпу — там поставят свою.

С окна Димка взял плед и одну подушку под ногу — волонтеры сшили. Все.

«Я готов».

«Дим, а кофта какая-то? Куртка?»

«Ничего нет. Футболку выдали, все».

На Димке даже две футболки сегодня. Вторую Димка приспособил под трусы и завязал на боку узел.

Я успеваю перекрестить Димку: «Сигналь, Дим, новый адрес. Скоро увидимся!» И медсестра с санитаркой вывозят кровать с сидящим на ней Наполеоном-Димкой из палаты.

Мы не на фронте. Но как будто на фронте. Вот только что работала с Димкиной диафрагмой и...

...Долгие проводы — лишние слезы. Или как там еще говорят? Ничему собраться — только подпоясаться.

Анюта плачет.

Мы с Муслимом не плачем, сдерживаемся. Звали бы нас Анями, расплакались бы тоже, как пить дать.

«Все, — скомандовал Муслим. — Праздничный ужин. Садимся».

«Слава Богу, — всхлипывает Анюта, — я успела Димку накормить всем этим. Мы с Муслимом с утра не ели. Он может завтра причащаться, если что».

Мы почти смеемся. Еще не смеемся, но уже улыбаемся.

Мусульманин Муслим может причащаться.

«У нас с Муслимом с утра то одно, то другое, — говорит Анюта. — Завтрак Муслим проспал — после бессонной ночи. Обед был невкусный, не

захотел. Ужин вроде не хочется есть, когда заказали в ресторане кебаб и хачапури. Вот и результат».

«Вообще не ели?» — спрашиваю я.

«Нисколько», — хором сообщают Анюта с Муслимом.

«Хорошо, я накормила парней. Мишу и Димку. Они не стали ждать застолья», — успокаивает себя и нас Аня.

«Тогда наливайте мне лимонад скорей, будем говорить тосты!» — говорю я.

«Тебе желтый или зеленый?» — спрашивает Муслим с таким видом, будто уточняет, буду я вино или коньяк.

«Зеленый», — со значением произношу я.

Мы чокаемся лимонадом и едим холодный куриный шашлык. Холодные баклажаны — по вкусу вовсе не баклажаны, а что-то нежно-ватное. Но макнешь в соус — и вроде ничего. Муслим ломает хачапури и берет коробку с холодной жареной картошкой.

Я пью по глотку зеленый лимонад.

У меня в горле пузырьки. И в носу. И в глазах тоже.

И за моей спиной — пустой угол. Место, где стояла Димкина кровать.

«Завтра напишите мне Димкин телефон и его новые координаты», — говорю я Муслиму.

«Это по умолчанию, — кивает Муслим, — мы своих не бросаем».

Мы снова чокаемся лимонадом.

«Ну, Анют, за тебя!» — говорит Муслим.

«За тебя, Анют, — говорю я. — В это трудно поверить сейчас, но пусть это будет очень счастливый твой год. Пусть так и будет. Пусть все сложится!»

Анюта вытирает слезы.

Лимонад щиплет рот.

Кажется, после баклажанов с соусом он щиплет как-то особо сильно.

И хочется плакать. А нельзя. Ну что мы будем тут разводить болото.

Мишка уснул после массажа. Посапывает. Напротив Мишки молчит Полковник. Перестал препираться. Перестал требовать обращаться к нему как к старшему по званию.

Муслим и Аня Полковника игнорируют. Я играю на их стороне. И думаю о том, как нужно жить, чтоб настроить против себя всю дружную палату. Всех, кто друг за друга. Да что там палату — и персонал тоже. Санитарки и буфетчицы стараются обслужить Полковника поскорей и уйти прочь, чтоб не сказать лишнего в ответ на его «Стой здесь! Кто тебя так научил мыть?» и «Надо говорить: “Разрешите поставить поднос на кровать, товарищ полковник”».

Муслим и Анюта игнорируют Полковника. Но при этом днем Муслим позвонил настоятельнице монастыря, матушке Елени, и попросил привезти для Полковника коляску. И теперь у Полковника своя личная коляска от монастыря, а не госпитальная.

«Так, — смотрю я на часы. — У нас десять вечера. Осталось два дела. Во-первых, Муслим, доставай из бутылки розы, будем фоткаться. Причем со счастливыми лицами. А второе дело — мой подарок. Анют, снимай футболку, ложись на кровать Муслима, я тебе дарю массаж».

Анюта хохочет, и камера успевает поймать этот смех.

Розы пахнут. Отличные розы.

«Я с утра подговорил медсестру, она зашла в магазин, сфоткала мне несколько разных цветов, я согласовал эти, она их и купила», — выдает тайны Муслим.

«Ну ты шифровальщик, — выдыхает Анюта, — я и не догадалась».

Заходит санитарка и тщательно моет угол, где стояла Димкина кровать.

Старается не приближаться к кровати полковника.

За кроватью полковника пустующая койка — там лежал Сансар, Сано. Его перевели позавчера.

Все течет, все изменяется.

Аня ложится на кровать Муслима и шумно дышит под моими руками.

«Ира, — говорит, — мне, кажется, лет двадцать не делали массаж».

«Наслаждайся», — говорю я.

Анюта состоит из спазмов и боли.

Круглосуточное дежурство около Миши, стресс и сон на походном кресле даром не проходят.

«Дыши, Анюта. Дыши», — говорю я так же, как три часа назад говорила Мише.

«Я дышу, Ира, — говорит Аня. — Я дышу. Только иногда я забываю дышать. Так же, как в жизни. Я же дышу через раз. Я же все через себя. Миша не выдает, что ему больно. Терпит. Не показывает. А я срезаю повязку ему со лба, вижу, что там со швами — и забываю дышать. Мажу швы — и снова забываю. Делаю ингаляцию — и вспоминаю, что сама-то не вдыхала уже раза три».

«Дыши, Анюта, дыши», — твержу я.

«Я тебе говорил, Анюта, — говорит Муслим, — Ира подарит тебе массаж дне-рожденный, и ты снова оживешь. Вспомнишь, кто ты. Что ты есть у себя. А не только что мы у тебя есть».

«Ты говорил, — соглашается на выдохе Анюта. — Ты говорил».

\* \* \*

В одиннадцать вечера Муслим провожает меня на первый этаж. И говорит шепотом, будто кто может нас услышать: «Миша называет Аню сестрой. Но на самом деле она его тетя. Она сестра родная Мишиной мамы. Младшая сестра. И когда у Анюты мама умерла, то ее сестра, Мишина мама, ее удочерила. И они с Мишкой — погодки — росли как брат с сестрой. А теперь видишь, как вышло?»

Вижу, как вышло.

Я еду домой на самокате. Еду через пустую площадь, по мосту, через темную Неву, еду через Петроградку. Мне внутри терпко и тепло. И щиплет в носу. То ли от того зеленого лимонада. То ли от этого грустного дня рождения. Я еду мимо Первого Меда. Где-то здесь сейчас в новой палате лежит Димка.

Я еду мимо ограды Первого Меда. И забыв, что я спешу в метро, на всякий случай, остановившись под фонарем, машу рукой: «Димка, привет! Димка, мы своих не бросаем! Увидимся на днях, Димка!»

Я сажусь в метро. Смотрю на нашу фотку — с Муслимом и Анютой. Чувствую во рту вкус ватных баклажанов в кисло-сладком соусе. Слышу

Анино дыхание под моими руками. Вижу Анину раскрашенную банками спину. И не понимаю, почему изображение на экране становится размытым.

А потом понимаю. Вытираю слезы.

Парнас. Время спешить домой. В свою красивую, счастливую жизнь. Туда, где завтра понадобятся силы. И послезавтра. Просто потому, что мы своих не бросаем.

## МИША. Я ХОЖУ

«Одна мысль была всегда, только одна: лишь бы успеть. Лишь бы выжил. Лишь бы дотянуть до пункта эвакуации. А потом выдыхаешь — спас еще одного. Будет жить!» — говорит Миша.

Миша молчит. Я работаю. Миша кладет свою руку поверх моей.

«Что бы я тут без вас делал, — говорит. И добавляет: — Что бы мы тут все без вас делали».

Миша дышит.

Полтора месяца после ранения.

Я с Мишей работаю третий раз.

Миша уже оживает. Уже шутит. Один раз захохотал. Спросил, замужем ли я. Перестал хохотать. Загрустил. Спросил, что я такая грустная.

Жить будет.

Миша не видит ничего. Кладет свою ладонь поверх моей руки. Дышит со мной в такт. Откуда-то считывает, что мне грустно.

А мне грустно, да. Я-то вижу все.

Больно видеть это все.

«Я, Ир, пока был командиром эвакуации, никогда не задумывался дальше того, что я спас бойца. Вытащил. И если уж он попал к медикам, все будет хорошо. А сейчас сам лежу здесь, тяжелый трехсотый, и понимаю, как же это долго, вся эта реабилитация. Просто невозможно долго. Не знаешь, насколько это затянется. Не можешь ничего придумывать. И нужно быть счастливым сегодня. Вот ты пришла — я счастлив. Я знаю, что я встану, что я пойду. Но так это все медленно. Просто невозможно».

«Пишут тебе ребята, кого ты вытащил? Кто по госпиталям?»

«Не пишут, — говорит Миша. — Я ж не могу читать. Они звонят. Звонят, подбадривают. Но я что — я не падаю духом. Все нормально. Просто...»

Я работаю с Мишей.

С Мишей рядом его вторая сестра. Таня.

Аня сдала Тане двухнедельную вахту. Вернется через пару недель.

Таня медик.

Смотрит, что я делаю. Кивает.

«Отлично, что Миша вам дается. Я этот спазм под коленом пыталась разбить, обманом даже пыталась — сначала гладила, а потом подбиралась к мышце — мне Миша не давал. А под вами тает, как масло».

Миша дышит со мной в такт.

«Посмотрите на большой палец ноги, — говорит Таня. — Отек уменьшился, но он еще красный».

Я смотрю — так и есть.

И, пока Миша добрый, глажу одной рукой по ноге.

А второй рукой делаю беспрецедентное: поддев ногтем, вытаскиваю

из большого пальца ноги осколок. Организм отторгает инородные тела, они выходят к поверхности кожи. Этот торчал снаружи, как заноза. А тут удобный случай.

Таня ахает от моей дерзости. Миша крепче сжимает свою руку — поверх моей. Выдыхает.

Я показываю Тане жестом на тумбочку — дай спиртовую салфетку. Миша еще на шаг ближе к исцелению.

Я работаю с Мишей так, будто спешить мне некуда.

А мне некуда спешить на самом деле.

Я здесь и сейчас для Миши.

Вдох. Выдох.

Подкладываю пальцы снизу шеи. Расслабляю шею и голову. Миша уплывает: «О, мое любимое. Обнимашки. За это могу все тебе простить!»

«Прости меня, Миша, — смеюсь я. — За все прости!»

Полтора месяца после ранения.

Миша лежит.

Пора вставать.

Пора садиться на кровати.

Пора вставать на ногу.

Здоровая нога высохла от бездействия — мышц нет. Надо восстанавливать.

«Миша, сейчас будем менять белье у тебя на кровати», — говорю я.

Миша согласен на все.

На любую мою затею.

Таня смотрит на меня. Читает все по моим глазам. И выходит из палаты — идет к сестре-хозяйке за чистым бельем.

«Садимся, Миша, — говорю я. — Сейчас надо будет сесть на край кровати. Ноги опустить. Пододвинуться к краю так, чтоб коснуться ногой пола. И опереться пяткой о пол».

«Принял», — говорит Миша. И ищет рукой резинку над кроватью, за которую надо ухватиться.

Миша медленно садится. Держит меня за руку. За две руки. Опускает ноги. Длинная нога болтается в воздухе.

«Миша, чуть ближе к краю кровати съезжай попой».

«Не получится, — говорит Миша. — Кровать очень высокая».

«Пара сантиметров до пола, — говорю я. — Все получится».

Я сейчас Мишины глаза. Таня уже вернулась. Стоит рядом. Страхует нас.

Миша нащупывает ногой пол. Выдыхает.

Таня подхватывает вахту — берет Мишу за руки. Опора есть.

Я захожу сзади. Расслабляю лопатки. Полтора месяца лежать — не шутки. Миша нервничает. Голова кружится. И кажется, что все зря. Лучше снова лечь. Лежать. И не придумывать ничего.

Я расслабляю спазмы в шее. Миша обмякает под моими руками. «Стоп, — говорю. — Держись, Михан, не падай».

Миша старается держать спину ровно. Получается плохо.

«А теперь, — говорю, — Миш, встанем. Смотри, алгоритм такой. Я буду стоять перед тобой. Держу тебя. Ты делаешь с кровати шаг вперед, чувствуешь меня, а вытянутыми руками опираешься о подоконник. Он на уровне моей талии. Таня поможет. И Таня за минуту перестелет белье».

«Принято», — глухо выдыхает Миша.

Выдыхает Миша так, будто он снова идет туда, куда не дошли штурмовики. И их надо эвакуировать. И иначе нельзя. Только так.

...Время движется медленно. На 0,25.

Миша встает на ногу. Повисает на мне. Покрывается липкой испариной. Адреналин, замешенный на слабости. Говорит: «Не могу».

«Можешь», — утверждаю я.

Миша висит на мне.

«Шаг вперед», — говорю я.

Миша висит на мне.

«Полшага», — говорю я.

Мы шагаем с Мишей вместе. Я — полшага назад. Он — полшага вперед. Таня снимает Мишины руки с моей талии и касается ими подоконника.

Миша вцепляется в подоконник. Выдыхает.

Мы будто танцуем странный танец.

Только Миша танцует его в трусах.

И со спины кажется, что Миша пьян в стельку.

И...

Я счастлива.

Полтора месяца лежачий — и вот уже встал. Стоит. На той самой ноге, где ушиблен большой палец. Где осколки. Стоит — с нарушенной вестибуляркой. Сейчас стоит, а однажды — пойдет.

Но уже сейчас — стоит. Глотает воздух. И верит, верит, верит в то, что все получится. Долгая реабилитация однажды станет просто жизнью. Где непросто, но где есть счастье. И есть смыслы. И...

«Ложимся, Миш», — говорю я, когда Таня заканчивает застилать кровать.

Миша доползает до кровати. Ложится. Вцепляется одной рукой в поручень кровати. А второй — в мою руку.

Дышит. Из глаза катится слеза. Просто устал. Шаг до окна — это целый марафон. Миша сегодня герой. И он это понимает. Все получилось.

Но теперь нет сил. И все болит.

Миша держит меня за руку крепко.

«Ир, ну что бы я тут без тебя, Ир? Ну как бы мы тут без тебя?..»

Я сжимаю Мишину руку в ответ: «Михан, ты просто герой. Миш, ты невероятный. Это просто огонь, Миш. Ночью поспишь, а завтра будет легче. Видишь, ты уже ходишь, Миш. Медленно, но ходишь».

«Я хожу, Ир», — соглашается Миша.

В палате тишина. Даже телик, кажется, замолк с его бесконечными кулинарными поединками.

«Я, Ир, хожу».

И это то, ради чего я здесь.

## ДЕНИСОВСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Я еду в госпиталь.

В городе жара.

Жара плавит асфальт, мороженое и души. Крем с SPF не спасает.

Спасают торговые центры с центральным кондиционированием и свежесжатым грейпфрутовым соком в кофейнях.

Я еду в госпиталь.

Там ни кондиционеров, ни соков.

Программа максимум — это сквер на территории госпиталя, и там, в тени деревьев, можно дышать. Если лифт работает. Иногда лифт подглючивает, и тогда у бойцов нет никакой возможности спуститься на коляске во двор.

Я протягиваю пропуск на проходной и занываю в подлодку — к тем, кто в этой автономке учится жить по-новому. Без рук и ног. Учитесь ходить. Учитесь дышать — после войны.

Научится — выйдет за периметр. А пока, надев протезы, аккуратно ступает первые шаги. Садится на коляску — перерыв. И, выдохнув, идет дальше.

Вдох.

Выдох.

Ко мне откуда-то сбоку подъезжает на коляске молодой боец из Алтайского края: «Здрасьте. Вы к нам?»

Саша улыбается мне широко и ясно. У него рыжая борода. Борода веселая — торчит в разные стороны. А глаза грустные. И вместо переднего зуба — дырка. Отлично можно свистеть в эту дырку, если научиться.

«Что не запишешься к стоматологу? — спрашиваю я вместо приветствия. — Может, пока на протезировании, как раз и вставишь зуб?»

«Не хочу тут лечить еще и зуб, — говорит Саша и улыбается, не стесняясь улыбки. — Мне ног хватает. Точнее, не хватает. Дома займусь зубом. Пока перетерплю».

Мы направляемся к зданию госпиталя.

У Саши одной ноги нет, вторая — в аппарате Илизарова. Год прошел с момента ранения, кости не срастаются. Саша старается не думать про кости. Не думать не получается — на первую ногу скоро придет протез, а как его осваивать, если на вторую ногу не наступаешь?

Саша едет впереди, я иду сзади.

«Знаете, как я зуб потерял?» — спрашивает Саша, оглядываясь на меня и заговорщически улыбаясь.

«Как?»

«Выбили в тот день, когда я контракт подписал. Рассказать?»

«Давай», — улыбаюсь я.

«Я учился в медицинском колледже на фельдшера. Закончил обучение, пошел служить срочку. Попал в железнодорожные войска — это был город Кызыл, республика Тува. Служил в медицинском пункте батальона. В планах было поступать в военмед в Питере. Позже. А пока — подписал контракт. В первый же день меня поселили в казарму, где были молодые, как я, контрактники. Там, слово за слово, мы сцепились с одним пацаном, и он мне выбил зуб. Хочу, чтоб война закончилась в тот день, когда я зуб вставляю. И моя, и вообще».

Саша вызывает лифт.

«Раз так, — говорю, — нельзя терять времени. Нужно вставлять зуб как можно скорее».

Лифт приезжает на третий этаж.

Пробка. Мужики на колясках собрались на лестничной площадке покурить. Саше из лифта не выехать. Мне — не выйти.

Мареву дыма. В мареве дыма тонет мареву грусти. И есть время, чтоб свыкнуться. Перестроиться из жизни, где люди спешат в метро, ссорятся, мирятся и игнорируют девятипроцентный творог в пользу пятипроцентного, в эту жизнь.

Здесь, в госпитале, нет места спешке и выбору творога. На ужин пюре с минтаем. Запах рыбы смешивается с запахом курева. И этот запах такой же, как запах в перевязочной, запах новых протезов, запах сваренных в чайнике пельменей. Он другой, конечно. Но он такой же. Запах войны. Он — о том, что возвращение домой не будет простым.

Ты вернешься другим. А пока — пока передышка. Дыши. Вдыхай это все.

Пробка рассасывается. Саша выезжает из лифта. Мы оказываемся в холле. Саша оглядывается: «Ну, я поехал?»

«Я пока переобуюсь в сменку», — говорю я.

Саша разворачивается на коляске. Смотрит на меня: «Тогда я с вами посижу. Спешить некуда».

Спешить некуда.

Да и нельзя спешить.

Так — медленно, минута за минутой — пройдет сегодняшний вечер. Потом — завтрашний. А там глядишь — нога срстется. И жизнь наладится. А разгонишься, поспешишь, доедешь до палаты — и что дальше? Что дальше будешь делать?

Нельзя спешить.

«Дальше расскажешь, Саш? Как попал на войну?»

«Да как попал? Как все попадают, так и я попал, — Саша говорит охотно. Голос ровный. Не улыбается только больше. — Прослужил полгода, а дальше пришел приказ — контрактники отправляются на СВО. Сначала мы поехали на полигоны под Челябинск. Месяц там учились. А в июне уже были на Украине».

«Медиком был?»

«Да. Фельдшер штурмовой роты. Делал все, чтоб раненые товарищи добирались до медиков живыми. И натаскивал по медицине эвакуационные группы. Так, чтоб они могли оказать первую помощь. Задача у эвакуогрупп была одна: донести раненых до меня. А дальше я проводил медицинские манипуляции: кого надо — подкапать, кому кровотечение остановить, кому обработать раны, кого психически подбодрить. Я координировал группы эвакуации, подсказывал, что делать с ранениями, куда что подкалывать».

«Как ранило?» — спрашиваю я.

В холле пусто.

За дверями холла — гулкая лестничная площадка, откуда несет сигаретным дымом. А мы с Сашей говорим так, будто вдвоем оказались на планете минут на десять. И нужно успеть обсудить все.

«Я иногда — не часто — доставлял раненых до пунктов эвакуации, где были профессиональные медики. Так было и в тот день, когда меня затрехотило. 21 августа 2024 года.

Мы отвозили раненых на багги, а на обратном пути должны были взять провизию и боекомплекты. Все сделали, собрали, поехали — две машины и два мотоцикла сопровождения. Когда выезжали из Авдеевки, у нашей машины пробило колесо. Пришлось вернуться. А вторая маши-

на и мотоциклы поехали без нас. Мне сразу не понравилось, что все так вышло. Плохая примета — возвращаться.

Через час, поменяв колесо, поехали снова. Заплутали. Дроны стали нас гонять. Увидев дроны, водитель загнал машину в лесополку. Мы разбежались кто куда. А минут через десять начался минометный обстрел. Снаряд попал мне под ноги. Правую сразу оторвало, левую переломало. Я сначала даже и не понял, что произошло. Лежу на земле, все плывет, смотрю на ноги, вижу — правой нет. Хотел начать себя мотать, но понял, что и руку тоже задело — кости наголо. Давай левой рукой вытаскивать турникеты и обезболы, позвал на помощь. Водитель быстро сориентировался, начал меня мотать. Благо машину не задело, погрузили меня и поехали. Только в машине я понял, что у меня и левая нога вся переломана. Ну, видишь, — показывает Саша руку, — руку собрали. Все зажило. Единственное, не могу ладонь сжать в кулак. А надо, чтоб как у Цоя. Чтоб моя ладонь превратилась в кулак. Позже придется переделывать».

Вдох.

Выдох.

«Всех спас, пока был фельдшером?»

«Кого смог — спас. Не всех, конечно. Я думаю, мне еще везло. Таких случаев, чтоб у меня были тяжелые “трехсотые”, не было. Были легкие или средние.

Вспомнеаются, конечно, те, кого не спас. Не по своей вине. Помню, бойцу осколок проник под бронезилет и пробил легкое. Я объяснял по радиации, что делать, но боец так паниковал, что не смог меня услышать, не понимал, что делать. Когда пришли его забирать, он уже был “двести”. А рядом лежала растребушенная аптечка — боец в панике все повыкидывал из нее.

Или сделаешь все, что можно — обрабатываешь первично, подкопишь обезболы, систему поставишь: боец стабильный. А до эвакуации не довезли — попали под дроны. И тогда, конечно, печаль. Руки опускаются.

Но помню и хорошее. Помню, молодой боец наступил на “колокольчик”, ему оторвало ступню. А я и сделать ничего не могу — боец далеко, связь потеряна. Так он — такой молодец! — два дня выходил сам до нашей позиции, а лето было, жара, началось заражение.

Парень до нас добрался, я провел первичную обработку и сразу же отправил его к медикам. Помню этого бойца — он страдал не от боли, а от того, что стал инвалидом. Так вот, ему сохранили ногу — и коленный сустав, и голень; ходит на протезе сейчас, все хорошо».

...Я расстегиваю босоножки. Надеваю кроксы.

На кроксах — джибики. Такие значки, которые вставляются в отверстия. Дети вставили. Джибики — планеты. Планеты разные, и среди планет — Чебурашка.

Саша смотрит на мои кроксы.

Будто вернувшись из той лесополки, спрашивает: «Чебурашка на Луне?»

«На Марсе, — улыбаюсь я. — На Луне — Незнайка».

...Киндер-сюрприз моему сыну подарил настоятель Старо-Ладожского монастыря отец Филарет. Там, внутри шоколадного яйца, был этот Чебурашка. С тех пор Чебурашка со мной в госпитале. Как символ буду-

шей Победы. Как символ детства, что дает силы идти вперед. Как символ меня. У меня в детстве торчали уши, и меня дразнили Чебурашка. Сейчас бы не дразнили. Сейчас это был бы позывной. Вот только уши у меня уже не торчат.

«Ты же из Алтайского края?» — вспоминаю я.

«Да, — говорит Саша. — Из деревни. Рядом с Барнаулом».

«Год назад, — вспоминаю я, — как раз в это время мы были в походе. Семей. С подругой, тоже медиком. Подруга была с детьми, мы с сыном.

Шли двести километров по Алтаю. В основном по республике Алтай. Но Алтайский край тоже задели слегка. Было сорок детей. А остальные взрослые — воины СВО после ранений, как ты. Организаторы. И мы, медики. Это был поход для воинов. Чтоб они вернулись с войны в эту жизнь. Через преодоление себя, общение с детьми, близость к природе. Особенно с близостью к природе все удалось. Природа была как избалованная женщина — днем жарило плюс тридцать пять, ночью температура падала до плюс шести».

Саша хохотнул. Я улыбнулась, вспоминая тот поход.

«...В общем, пришлось нам одну девочку оставить в больнице в Барнауле — воспаление легких. Не хватило ей иммунитета вывезти такой климат. Потом ее к поезду привезли, как раз подлечили девочку».

«Да, — кивает Саша, — климат у нас такой. Не забалуешь».

«Мы в Алтайский край заходили со стороны Денисовой пещеры, знаешь?»

Саша кивает.

Оказывается, дома. То есть почти дома.

Я стараюсь достать из памяти все, что помню.

Я помню немного.

«Там основная часть пещеры была закрыта, археологи работали. Но объем мы смогли оценить. Высоченная пещера. Крикнешь куда-то вверх — крик потеряется, заглохнет. Стоишь в пещере — и думаешь. То ли о пастухе Денисе, что давным-давно пас здесь стада рядом с пещерой, то ли о старообрядце Дионисии, что жил здесь отшельником в восемнадцатом веке, то ли о Денисовском человеке. Знаешь, кто такой Денисовский человек?»

Саша качает головой. Не знает.

Я до Денисовской пещеры тоже не знала никакого Денисовского человека.

«Это, — говорю, — какая-то совершенно особая ветвь хомо сапиенсов. Не неандерталец, не современный человек. Темнокожий, с карими глазами — такими Денисовского человека воссоздали по человеческим останкам археологи. И назвали его по имени пещеры».

Я смотрю на Сашу. Улыбаюсь. Он не похож на Денисовского человека.

Светлая кожа. Голубые глаза. И лохматая борода.

Я смотрю на Сашу. По карточке над кроватью помню — Саше двадцать четыре. Но борода Сашу взрослит. А сбрей бороду — увидим лицо молодого человека.

Брить бороду нельзя. Там, за этой бородой, одни существительные, никаких глаголов. Медколледж, срочка, контракт, война, госпиталь, коляска, аппарат Илизарова.

Саша выглядит так, как чувствует себя сегодня. Чувствует себя мужиком, которому еще многому нужно научиться.

Я возвращаюсь в Денисовскую пещеру: «Магнитик дети купили на выходе. Мы еще пофоткались внутри, но по фоткам, конечно, ничего не понятно. Вспышка, лица, и темнота вокруг».

Саша смеется. Понимает, что я достаю из шкатулки натуральные алтайские камни — свои воспоминания — и бережно перебираю их в руках. Для него.

«А знаешь, — говорю, — что дальше было? Наши разбили лагерь в Черном Ануе. Сообщили, что у реки, в низине, километра три, не больше. Отряд детей с руководителями выдвинулся из пещеры первым эшеленом, а мы чуть позже. Вышли из пещеры, идем вдоль дороги — не видно лагеря. Идем дальше. Устали давно. Но это ладно — что устали. Главное, непонятно, где лагерь? Вроде промахнуться не могли. Но по ощущениям, три километра от Денисовой пещеры до лагеря мы уже прошли.

И тут видим — асфальтоукладчик укладывает дорогу. Небольшой таковой.

Жара. Пекло. Горячий асфальт. Усталость. И никакой связи. Куда идти?

И водитель машет рукой: «Детвора! Поднимайтесь ко мне!»

А дети — их не надо просить три раза! — тут же к нему наверх взлетели, в кабину, все трое. Подъехала машина, засыпала асфальт, асфальтоукладчик тронулся.

Мы шли с подругой по обочине, смотрели на детей там, наверху асфальтоукладчика, — они были счастливы. И водитель был счастлив. И мы были счастливы тоже.

Выше кабины асфальтоукладчика были алтайские горы. А ниже — ниже ложился ровной лентой горячий асфальт, и он был как шоколадная прослойка между алтайскими коржами — рекой, дорогой, горами и небом — там, совсем наверху.

Водитель что-то говорил громко детям, что-то показывал, хохотал, и дети хохотали тоже. А мы шли с подругой за асфальтоукладчиком и вдруг увидели стелу «Алтайский край». Так мы и зашли в Алтайский край, укладывая новый асфальт.

А как только дети асфальт уложили, спустились вниз, на дорогу, мы смотрим: в низине, у воды — лагерь. Палатки, дымок — наши. И тревога сразу прошла. И усталость. Особенно усталость прошла, когда мы в этой горной реке искупались!»

«Эх, — вздыхает Саша. — Мне бы туда».

«Скоро, — говорю я, — скоро. Ты начал принимать остеогенон для ноги?»

«Начал, — кивает Саша. — Прописали, выдали, пью».

«Ну, — говорю, — видишь? Значит, скоро срастется нога. Обещаю».

«Обязательно срастется, — говорит Саша. — Мне иначе нельзя. Я же собрался жениться. Девушка меня ждет. У меня план простой — жениться, детей нарожать, быть счастливым».

Я улыбаюсь.

Очень хочу, чтоб у Саши скорее срослась нога.

«Вы в какую палату?» — спрашивает Саша.

«В шестнадцатую», — говорю я и в такт своим словам отбиваю чечетку носком крокса.

«Потом к нам? — спрашивает Саша.

«Потом — к вам», — улыбаюсь я.

Чебурашка на моем кроксе пляшет. Саша смотрит на него. Говорит: «До встречи тогда. И это... Спасибо вам за Алтайский край. Люди, кто живет не на Алтае, обычно не разбираются, для них нет разницы — где республика Алтай, где Алтайский край. А для вас есть».

Сашина коляска делает разворот и выезжает из холла впереди меня.

«До встречи, — оглядывается Саша. — Я — побеждать».

У Саши рядом с кроватью стоит приставка. Когда Саша не спит и не гуляет, он играет.

Приставка — как мостик между этой, сегодняшней жизнью, и той, где оператор БПЛА смотрел в экран и направлял дроны, а Саша рядом накладывал жгуты.

«Я тоже побеждать», — говорю я и иду в шестнадцатую палату.

Побеждать страх.

Боль.

Несрастающиеся кости.

Побеждать эту войну.

